

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ В ХОДЕ УКРАИНСКОЙ ВОЙНЫ (на примере батальона «Донбасс»)

А. П. Евсеев

Плохие, плохие, плохие, плохие...
Без воды, без огня, под обстрелом
кляня и моля об одном –
чтоб плохие погибли не зря...
Плохие развлекают хороших,
хороших, хороших, хороших,
пишущих о плохих одно...
Эх, собрать бы беду бронированной
тяжкой ношей – и покаяться всем:
и плохим, и хорошим!..

Ю. Шевчук

Одним из примечательных «ноу-хау» украинской войны стало использование проправительственными силами добровольческих вооруженных формирований, во многом замещающих регулярную армию и конкурирующих с ней. Так, широкой известностью пользуются батальоны «Айдар», «Донбасс», «Азов», «Днепр», «Шахтерск» и ряд других. Укомплектованные целиком добровольцами, хорошо экипированные и пользующиеся поддержкой волонтеров, украинские добровольческие формирования (далее – УДФ) стали мощной военной силой, а со временем, не исключено, превратятся в ощутимый фактор внутривосточной жизни. Симптоматично, что уже сейчас они пользуются определенной свободой тактического замысла – хрестоматийным в этом отношении является случай с тем же «Айдаром», который, не согласовав вопрос с командованием антитеррористической операции (далее – АТО),

самостоятельно попытался взять штурмом Луганск, но отступил, понеся значительные потери.

Одним из наиболее эффективных подразделений подобного рода, как уже было сказано, является добровольческий батальон территориальной обороны Донецкой области «Донбасс» под командованием С. Семенченко, созданный в апреле 2014 г. и институционально подчиненный Национальной гвардии Украины (правопреемнице внутренних войск). Заметим попутно, что сама идея создания украинских добровольческих формирований (УДФ) весной 2014 г. была обусловлена, с одной стороны, удручающим состоянием, в котором тогда находились Вооруженные Силы, а с другой – тем двусмысленным положением, в котором оказались несравненно более боеспособные, чем армия, но деморализованные внутренние войска и спецподразделения системы МВД, вначале противостоявшие «майдану», а затем вынужденные смириться с его победой. Не имевшие же ранее никаких связей с силовыми структурами, свободные от обид на новую власть добровольческие батальоны были готовы, прежде всего психологически, выполнять боевые задачи по противодействию экстремизму и сепаратизму. Необходимо также учитывать, что значительную помощь зарождающемуся движению оказал один из крупнейших украинских предпринимателей, совладелец группы «Приват» И. Коломойский, назначенный впоследствии губернатором Днепропетровской области и предоставивший бойцам «Донбасса» казармы и питание.

Следует отметить, что в военно-тактическом отношении УДФ отличаются гибкостью и оперативностью маневрирования, большей технологичностью и меньшей скованностью уставами и боевыми наставлениями, что существенным образом отличает их от классических военных организаций. В частности, в батальоне «Донбасс» отсутствует иерархия воинских званий, не проводятся выматывающие занятия по строевой подготовке, бойцы знают друг друга по псевдонимам, хотя и сохраняется привычное для армии внутреннее структурирование батальона на отделение – взвод – роту. «Фирменным» знаком бойцов батальона, включая командира С. Семенченко, стало стремление скрывать свои лица от вспышек фотоаппаратов и объективов телекамер под масками-балаклавами, что не может не способствовать созданию ореола таинственности

и романтизма. Как следствие, батальон с легкостью вербует все новых и новых добровольцев, иногда даже из стран СНГ.

Вот, пожалуй, и все, что известно широкой общественности о деятельности данного формирования и ему подобных. Еще какую-то информацию о батальоне можно найти на его официальном интернет-сайте и в социальных сетях. Но знаем ли мы что-либо о внутреннем мире его бойцов, их убеждениях, силе боевого духа? Думается, что нет.

На преодоление этого пробела и было направлено осуществленное нами в августе 2014 г. анонимное анкетирование личного состава батальона, находившегося на базе в городе Курахово Донецкой области. Оговоримся, что часть бойцов была на боевых заданиях, другая – отказалась от участия в анкетировании, однако полученной информации, по нашему мнению, достаточно, чтобы приблизиться к намеченной цели – уяснению морально-психологического климата в подразделении.

Известно, что анкетирование является одной из форм такого метода сбора первичной информации посредством обращения с вопросами к опрашиваемым (респондентам), как опрос. Источником информации в опросе являются письменные или устные суждения-ответы респондента. С помощью опроса можно получить информацию о фактах и событиях, сведения о мнениях, оценках и предпочтениях опрашиваемых, их потребностях, интересах, ценностных ориентациях, жизненных планах и т. д. Причем эту информацию можно получить довольно быстро и от большого количества людей (см.: Караяни, Сыромятников 2006: 105). Применительно к нашему исследованию отметим, что анкеты содержали в себе главным образом открытые вопросы.

Как правило, подавляющее большинство опрошенных находилось в зоне боевых действий от 1 недели до 1,5 месяцев. Поэтому первым делом нас интересовало, как изменились представления воинов о происходящем в зоне АТО до и после попадания в нее. Отметим, что здесь наблюдалось полное единодушие респондентов, отметивших, что их представления не претерпели кардинальных изменений или вовсе остались прежними. Правда, в частных беседах многие воины, в особенности выходцы из крупных городов, сетовали на чисто бытовые неудобства, связанные с условиями

прохождения службы, которые даже обманули их самые худшие ожидания.

В самом деле, база батальона «Донбасс» в Курахово представляет собой не что иное, как территорию профилактория и школы, абсолютно не приспособленных для нужд военного времени. Как следствие, бойцы вынуждены расстилать матрасы прямо на полу, раскладывая возле себя оружие и немногочисленные личные вещи. Единственной формой отдыха здесь является Интернет, редко у кого есть аудиоплеер. Пища либо покупается бойцами за личные деньги, либо привозится волонтерами. В этой связи, кстати говоря, вызывают недоумение растиражированные российскими СМИ слухи о повальном мародерстве в рядах УДФ. Автор этих строк лично был свидетелем ситуации, как в частном кафе бармен непринужденно и местами жестко разговаривал с бойцами и комбатом С. Семенченко, объясняя им, что в помещении нет свободных мест. Когда же столик был все-таки найден и заказ сделан, за угощение было заплачено строго по счету. Наверное, каратели так себя не ведут...

Впрочем, бывали и любопытные ответы на вопрос об эволюции представлений касательно происходящего в зоне АТО. Так, один боец указал буквально следующее: «Думал, что противник будет, как партизаны-диверсанты, вечно держать нас в ожидании внезапного налета, а здесь все как-то вялотекуще затянуто».

Были еще вопросы, при ответах на которые наблюдался едва ли не 100%-ный консенсус. Речь идет прежде всего о вопросе «С кем Вы воюете в зоне АТО?», где респонденты сошлись во мнении, что им одновременно противостоят и российские наемники, и местные сепаратисты (многие бойцы при описании противника использовали термин «террористы»); о вопросе «АТО – ошибка или все-таки необходимость?», при ответе на который один из бойцов, словно обращаясь к составителю анкеты, с негодованием написал: «Ошибка – это твое появление на свет, а АТО – настоятельная необходимость!»¹; о вопросе «Пользуется ли у Вас уважением Ваш непо-

---

¹ Справедливости ради отметим, что при анализе ответов на данный вопрос встретились два ответа, которые не совсем укладываются в «прокрустово ложе» нашей формулировки. Один из бойцов указал, что АТО – это «жизненная реальность», а другой – что «адекватные действия на агрессию».

средственный командир?», что лишний раз подтверждает гипотезу о непрерываемом авторитете С. Семенченко в глазах бойцов.

Принимая во внимание то обстоятельство, что батальон «Донбасс» – исключительно добровольческое формирование, особый интерес представляло для нас прояснение мотивации бойцов, записавшихся в него. Так, при ответе на вопрос «Добровольно ли Вы оказались в зоне АТО или были призваны? Если добровольно, то что Вами двигало?» наиболее распространенными были следующие ответы: «насильственное навязывание идей присоединения к России, а ведь моя Родина – Украина», «обязанность защиты Отечества», «долг Родине», «любовь к Родине», «за державу обидно». Все это, по нашему мнению, свидетельствует о весьма высокой патриотической мотивации, которая преобладает в рядах воинов и позволяет им решать самые сложные боевые задачи.

Вместе с тем анкетирование позволило разрушить или, во всяком случае, поставить под сомнение некоторые устоявшиеся представления, в частности миф о том, что УДФ комплектуются исключительно из числа сотников «майдана» и активистов радикальной организации «Правый сектор» (о них речь пойдет ниже). Достаточно сказать, что несколько бойцов батальона ранее проходили службу в спецподразделении МВД «Беркут», открыто воевавшим с «майдановцами» в период известных событий; оставшиеся же респонденты ни разу не были на «майдане», за исключением киевлян, но и те не состояли в каких-либо сотнях. В то же время анализ анкет показывает, что в основной своей массе бойцы сочувственно относились к событиям на «майдане» 2013–2014 гг., о чем свидетельствуют, в частности, следующие оценки: «“Майдан” – это сила», «На “майдане” не был, но душой был с ними» и т. п. Любопытно, что бывшие бойцы «Беркута», заполнившие анкеты, хотя и не изменили своего отношения к революции («“Майдан” – это ошибка», «Есть законные методы смены власти»), но при этом нашли в себе силы поставить общегосударственный интерес выше ведомственного, пойдя добровольцами на АТО. Как указал в анкете один боец, «к “майдану” относился отрицательно, но сепаратизм куда хуже».

В свою очередь в анкетах нашло свое отражение и обратное явление – весьма позитивное отношение бойцов батальона к бывшим «беркутовцам», с которыми они пересекались в зоне АТО (не обя-

зательно в рядах батальона). Стандартными в этом отношении можно считать такие оценки: «нормальные люди», «мужики», «ребята выполняли приказ», «“Беркут” – это ни о чем не говорит, можно даже там человеком остаться» и др.

Интересовал нас и вопрос, связанный с взаимодействием со «смежниками»: Вооруженными Силами, Нацгвардией, другими УДФ. В целом бойцы батальона высоко оценили усилия по восстановлению конституционного строя и территориальной целостности Украины, прилагаемые представителями разнообразных силовых структур. Однако при более детальном опросе можно было столкнуться с различными мнениями. Так, выше всего респонденты оценили действия Нацгвардии, в состав которой с мая 2014 г. входит батальон. Хуже всего – действия регулярной армии (кроме авиомобильных, ранее воздушно-десантных, войск, почти всегда вызывающих уважение), по отношению к которой встречались следующие характеристики: «жалкое зрелище», «есть призванные, которые не хотят защищать державу», «разные люди» и т. п. Показательно также отношение к другим УДФ: симпатией пользуются батальоны «Айдар» и «Азов», в меньшей степени – «Днепр», в то время как бойцы «Правого сектора» традиционно вызывают только критические замечания («мнение отвратительное, если не сказать более», «дисциплина страдает»).

Чрезвычайно болезненным и актуальным представляется вопрос об отношении местного населения к бойцам батальона. Здесь мнения респондентов разделились поровну. Одна часть бойцов полагала, что отношение в основном дружественное, другая – что неоднозначное или в лучшем случае нейтральное. Многие бойцы обращали внимание на тот факт, что первые неделю-две после освобождения территории местное население было крайне напугано, иногда личный состав батальона подвергался оскорблениям, но затем жители начинали сотрудничать с армией, сообщать фамилии наиболее ярых сепаратистов и т. д.

В этой связи подчеркнем, что подлинной «миной замедленного действия» является практически полное отсутствие разъяснительной работы с местным населением, проживающим на освобожденных территориях. В литературе справедливо отмечается, что во время конфликта в Югославии американская армия разработала специальные издания, рассчитанные на местное население, в част-

ности еженедельную газету «Вестник мира», ежемесячный журнал «Вестник прогресса» и даже детский журнал «Мирко». Кроме того, пропагандистские подразделения выявляли наиболее популярные местные СМИ и, не жалея средств, заключали с ними контракты на публикацию своих информационно-пропагандистских материалов. Параллельно велась работа по созданию новых «независимых» изданий. Наконец, практиковалось ведение так называемых информационных операций, в ходе которых каждый командир части или подразделения проводил постоянную информационную работу в своей зоне ответственности: встречался с местными руководителями, обращался к населению посредством местных журналистов (см.: Белогуров 1999).

Автор этих строк, побывав в конце июля 2014 г. в освобожденном Славянске, может засвидетельствовать, что пока вся психологическая обработка местного населения сводится разве что к работающему на центральной площади возле горсовета громкоговорящему, транслирующему программы проправительственной радиостанции «Эра ФМ», и двум-трем стендам с наглядной агитацией, размещенным в центре города. Однако недооценка значимости так называемого «нелетального оружия», то есть такого, которое воздействует на дух и мироощущение граждан, может привести к тому, что общественная поддержка АТО в условиях углубляющегося экономического кризиса станет постепенно снижаться, а на смену проукраинским настроениям придут совсем другие установки, изменить которые будет уже крайне сложно.

Кроме того, следует учитывать, что механическое отключение российских телеканалов не достигло своей цели, поскольку во многих домовладениях Славянска установлены антенны-«тарелки», позволяющие их владельцам без особых проблем ловить наиболее одиозные «Россию-24», «Звезду», телевидение ДНР и т. д. В этом контексте можно вспомнить прошедший 29 июля 2014 г. по российским телеканалам сюжет о применении украинской армией баллистических ракет по жилым кварталам Донецка. Очевидно, что столь мощное оружие должно было вызвать невиданные доселе разрушения домов и инфраструктуры города. Однако данная информация иллюстрировалась классическим видеорядом, который ничем не отличался от той «картинки», которую мы наблюдаем несколько последних месяцев в репортажах из Донбасса (обстрелян-

ные из стрелкового оружия стены учреждений, поврежденные верхние этажи, где, по-видимому, располагались огневые точки снайперов, в общем-то целые дома, перепуганные жильцы). Тем не менее, оказавшись днем позже в предместье Славянска Семеновке (где масштаб разрушений действительно катастрофический!), автор неоднократно слышал обсуждение этой «новости» местными жителями. Как справедливо указывал Д. Волкогонов, «телевидение добивается активного влияния потому, что оно главную ставку делает на визуальный, зрительный, образный ряд, а слова, комментарии служат лишь необходимыми пояснениями. Такое использование телепередач рассчитано не на высокий интеллект, а прежде всего на эмоциональное, психологическое восприятие действительности» (Волкогонов 1984: 171).

Значительный интерес представляют ответы на вопросы: «Что дала Вам служба в зоне АТО в моральном отношении?» и «Чему научила Вас служба в зоне АТО в плане отношений между людьми?». В частности, были зафиксированы ответы: «уверенности», «вере в боевое товарищество», «эмоционально укрепился», «душевному покою – я не отсиживался за спинами», «стал больше ценить жизнь», «стал больше любить свою семью», «решительности», «стал меньше мечтать и больше действовать». Однако чаще всего бойцы указывали, что главное, чему они научились в моральном плане, находясь в зоне АТО, – это терпение.

Предсказуемой оказалась реакция на вопрос «Когда, на каком этапе войны Вы почувствовали уверенность в своих силах?». Здесь, как правило, фиксировались три варианта ответа: «с первого дня»; «после первого боя (обстрела)»; «после первой гибели боевых товарищей». При ответе на вопрос «Какой момент войны оказался для Вас самым запоминающимся?» воины, как правило, говорили, что таковым являлся момент попадания в засаду или окружение.

Наконец, почти все бойцы отмечали в анкетах исключительно высокий уровень военно-технической оснащенности «стрелковцев», которому может позавидовать любая профессиональная армия, не говоря уже о «народном ополчении». Так, при ответе на вопрос «Какая техника сепаратистов противостояла бойцам батальона в боях, с чем Вы лично сталкивались?» бойцы называли новую «сотую» модификацию автомата Калашникова, снайперские винтовки, крупнокалиберный пулемет «Утес», огнемёт «Шмель»,

минометы, гранатометы систем РПГ и АГС, бронетранспортеры и самоходные артиллерийские установки (как, скажем, известная по событиям в Славянске САУ «Нона»). Все это приводит к мысли о том, что «народное ополчение» опиралось на чрезвычайно мощную поддержку извне.

В заключение остается добавить, что в 2014 г. на общем собрании бойцов батальона «Донбасс» был утвержден дисциплинарный устав. Все проступки в нем разделены на две большие группы: применяемые в отношении рядовых бойцов и применяемые в отношении командного состава (от командира отделения и выше). В свою очередь каждая из этих двух групп делится на три подгруппы: преступления, передаваемые в ведение военной прокуратуры; проступки, влекущие за собой исключение из состава батальона; проступки, влекущие за собой наказание на усмотрение командного состава батальона.

К первой группе относятся такие преступления, как мародерство и дезертирство. Здесь уже начинается юрисдикция военной прокуратуры, которая осуществляет уголовное преследование на основании соответствующих норм уголовного и уголовно-процессуального кодексов Украины. А вот поступки, предусмотренные второй группой (оставление боевого товарища на поле боя без причины, невыполнение приказа, сдача оружия противнику и другие проступки, несовместимые со званием гвардейца батальона), выносятся на рассмотрение суда чести батальона, который и решает, оставлять ли провинившегося в своих рядах или нет. Наконец, третью группу образуют такие проступки, как самовольное оставление расположения части на срок менее одних суток (если более – это уже общеуголовное дезертирство), невыполнение приказа в небоевых условиях, распитие спиртных напитков, неуставные отношения, в том числе драки, хамство, неоправданная порча гражданского и военного имущества, нецензурная ругань и т. д. Данные проступки наказываются по усмотрению командиров и влекут за собой следующие наказания: перевод в хозяйственное подразделение батальона, гауптвахта (3 суток на усмотрение командира взвода, 5 суток – командира роты, 7 суток – командира батальона), наряд на хозяйственные работы (на усмотрение командира отделения – 1 сутки, командира взвода – 3 суток, командира роты – 5 суток и командира батальона – до 15 суток). Аналогичные система и виды

наказаний по батальону действуют и в отношении командного состава.

Таким образом, в случае с батальоном «Донбасс» мы имеем хорошо мотивированное, профессионально подготовленное и достаточно четко осознающее стоящие перед ним задачи подразделение.

Библиография

Белогуров С. 1999. Психологические операции США в Боснии и Герцеговине. *Солдат удачи* 11. URL: <http://psyfactor.org/lib/bosniya.htm>.

Волгогонов Д. А. 1984. *Психологическая война*. М.: Воениздат.

Караяни А. Г., Сыромятников И. В. 2006. *Прикладная военная психология*. СПб.: Питер.